

DOI 10.37386/2305-4077-2021-4-240-252

Н. А. Боженкова¹*Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина***А. А. Негушина²***Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина*

ИНТЕРПЕРСОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОЯЗЫЧНОГО ФЕМИНИСТСКОГО МЕДИДИСКУРСА (на примере telegram-канала «Дочь разбойника»)

В фокусе внимания авторов статьи – описание лингвоспецифических черт феминистских дискурсивных практик как нового вида институциональных интеракций. В этой связи рассматриваются предпосылки формирования фем-движения, анализируются закономерности отражения идеологических позиций в феминистских текстах, выявляются способы вербальной экспликации аксиологических констант феминизма в российской блогосфере, определяются базисные механизмы «видоизменения» структурно-семантических параметров русских языковых единиц. Особое внимание отводится характеристике интерперсональных признаков феминистского дискурса, для которого диалогичность оказывается не только значимым конституирующим фактором, но и основным путем расширения фем-сообщества в России.

Ключевые слова: феминистский дискурс, медиадискурс, блогосфера, фем-движение, гендер, коммуникативные тактики, феминитивы

N. A. Bozhenkova*Pushkin state Russian language institute***A. A. Negushina***Pushkin state Russian language institute*

INTERPERSONAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN- SPEAKING FEMINIST MEDIADISCOURSE (based on the telegram-channel «The robber's daughter»)

The focus of the authors of the article is the description of linguistic features of feminist discursive practices as a new type of institutional interactions. In this regard, the prerequisites for the formation of the fem movement are considered, the patterns of reflection of ideological positions in feminist texts are analyzed, the ways of verbal explication of the axiological constants of feminism in the Russian blogosphere are identified, the basic mechanisms of “modification” of the structural and semantic parameters of Russian linguistic units are determined. Special attention is paid to the characterization of interpersonal features of feminist discourse, for which dialogueness is not only a significant constitutive factor, but also the main way of expanding the fem community in Russia.

¹ Наталья Александровна Боженкова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, академик РАН.

² Александра Алексеевна Негушина – аспирант Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина.

Key words: feminist discourse, media discourse, blogosphere, feminist movement, gender, communication tactics, femininities

Введение

Как известно, одним из «научно-лакунарных» полей современной лингвистики является семантико-стилистическая и структурная изменчивость языка, которая определяется различными причинами: внутренними и внешними, этноментальными и социокультурными, когнитивными и в целом цивилизационными, где функцию основного «триггера» выполняет Интернет. Особенности функционирования русского языка в Интернете привлекли внимание специалистов с того момента, когда стало понятно, что это *качественно новая коммуникативная среда*, в которой рождаются новые/иные смыслы и правила речевого поведения, и язык неизбежно меняется, адаптируясь к ней и встраиваясь в новую, виртуальную среду – онлайн-реальность [Зеленовская, 2014; Кожемякин, 2010; Солнцева, 2019; Шурухова, 2016 и др.]

Глобальная сеть, оперативно реагируя на современные социокультурные, геополитические и технологические процессы, напрямую определяет вектор развития вербальной системы Интернета: активно отражая реалии, язык непрерывно пополняется новыми словами, выражениями и прецедентными текстами; в нем появляются частотные знаковые единицы, формирующие лексикон современного коммуникативного пространства, при этом структурно-смысловая трансформация в лексиконе, влияющая на динамику изменений в современной речевой практике, осуществляется по особым правилам. С одной стороны, новые языковые единицы связаны с техническими реалиями; с другой – такие слова и выражения (1) маркируют отдельные субкультуры, (2) распространяются среди всех пользователей Интернета (параллельно существуют многочисленные и разнообразные жаргоны и общее лексическое пространство, пополняемое благодаря им [Кронгауз, Литвин, Мерзлякова, 2016]), (3) формируют принципы и семиотические рамки новых дискурсивных практик.

В этой связи нельзя не отметить специфический параметр интернет-языка – конвергентную связь вербальных средств с невербальными элементами (рисунками, фотографиями, мемами, картинками-демотиваторами, символами, видео и др.), выступающими в качестве единиц культурной информации и транслирующими ту или иную идею, образ действия. И если поначалу языковой элемент и рисунок неотделимы, то со временем вербальный знак (осознанно или неосознанно) начинает функционировать без «привязки» к изображению³. Не менее важным оказывается и факт расширения временных параметров коммуникации: если ранее (в условиях реальной языковой среды) партиципant имел возможность ознакомиться с *актуальными* образцами языка преимущественно в синхронии (как правило, здесь и сейчас), то виртуальная среда позволяет получать такие образцы как в синхронии (наиболее свежие материалы), так и в диахронии (архив материалов).

³ Примерами данного тезиса «пестрит» не только наша повседневная речь, но и разнообразный рекламный контент (дратуги; ипхоне; Наташ, мы все уронили; вы продаете рыбов; мы не знаем, что это такое; лухари и пр.)

Средоточием всех конститутивных признаков онлайн-коммуникации является, бесспорно, *медиаязык сети Интернет*, который, благодаря своей полисемиотичности (сочетанию визуальных, звуковых и вербальных компонентов, также обладающих рядом специфических параметров и характеристик), выступает мощным средством коммуникативного воздействия, инструментом влияния на общественное сознание. Формой бытования сетевых медиа является дисплейный текст, обладающий особыми дифференциальными признаками: нелинейностью (разветвленностью, отсутствием начала и конца), поликодовостью (мультимедийностью), интерактивностью (прямой связью с читателем и обратным воздействием читателя на текст), гипертекстуальностью (возможностью перехода в иные текстовые поля с сохранением логических связей между ними) и (самое важное!) интерперсональностью, что напрямую влияет как на макроструктуру социальных интеракций, так и на их языковые компоненты, обуславливая тем самым активизацию инкорпорирования специфических конститuentов виртуальной языковой среды в среду реальную [Боженкова, 2018, с. 56]. И это не случайно: информационное поле СМИ, являясь неотъемлемой частью социально-этнической культуры любого общества, представляет собой сложный конгломерат идей, где обозначены цели и интересы этого общества. Поэтому, с одной стороны, СМИ учитывают *культурно-идеологический контекст*, с другой – сами же участвуют в его формировании: столь интенсивная практика (информационные потоки «затягивают в свою воронку» все страты общества) оказывает значительное влияние на коммуникативно-психологическую организацию и конкретной личности, и целевой аудитории в целом [Боженкова, 2017, с. 134].

Одним из самых быстроразвивающихся в русскоязычном виртуальном медиапространстве является дискурс феминизма.⁴ Отметим, что женское движение в России начало складываться еще в середине XIX в., а в 1970-е гг. феминизм совершил новый качественный скачок в развитии. Вместе с тем осмысление многих вопросов фем-повестки стало возможным только в последние десятилетия: открытость интернет-пространства (несмотря на тот факт, что в сознании большинства россиян феминизм является чуждым русской культуре и, соответственно, публичные дискурсы тяготеют, скорее, к патриархальным ценностям) позволяет транслировать идеи феминизма, развивать феминистские дискурсивные практики, в результате чего фем-движение переживает новый рассвет [Винник, 2010].

Обсуждение и результаты

Центральным вопросом современного этапа фем-движения остается гендерная дифференциация (в частности, теория гендера как стратификационной переменной), а также практики, связанные с конструированием социального

---

⁴ Несмотря на существование отдельных работ, сфокусированных на специфике феминистского переводного дискурса [Здравомыслова, Темкина, 2015], системное описание русскоязычных феминистских текстов / дискурсивных практик в лингвистике не представлено.

пола [Троицкая, 2000, с. 374]. Ведущим мотивом при этом является *женская субъектность* – место женщины в дискурсе различных социумов, где в разной степени проявляется влияние феминистской идеологии, причем нередко в ее крайних формах, когда отрицаются какие бы то ни было различия и выдвигаются требования абсолютного равенства и полной симметрии в отношениях между полами. Именно женская идентичность является смыслообразующей единицей для феминистских текстов, что делает феминистский дискурс особой разновидностью институционального дискурса, представляющей собой альтернативную картину мира, основанную на базе женского опыта и преобразованную с помощью средств языка.

Еще одним важным событием в истории развития феминистского дискурса является возникновение такого направления лингвистики, как феминистская критика языка [Кирилина, 1999, с. 29]. В его основе лежит идея о навязывании патриархальных ценностей и понятий через дискурсивную практику. Отсюда выводятся три главные цели феминистской критики:

- 1) идентификация и преодоление мужского доминирования в общественной и культурной среде, отраженного в языке и литературе;
- 2) разрушение стереотипного противопоставления мужчин и женщин;
- 3) переосмысление гендерных различий в языковой картине мира.

Исследования в области феминистской лингвистики развиваются вокруг понятий андроцентричности языка и гендерной цензуры [Негушина, 2018, с. 239]. Пытаясь преодолеть «языковой сексизм», феминистская критика преследует также политическую цель: репрезентация образа женщины в языке и изменение существующих языковых норм в итоге должны привести к тем изменениям в структуре общества, которые преследует феминистское движение [Кирилина, 2000, с. 139–140].

Таким образом, можно предположить, что именно развитие феминистской критики языка во многом повлияло на конструирование современного феминистского дискурса и закономерностей, по которым он функционирует.

В настоящее время русскоязычный феминистский дискурс локализован в основном в сети Интернет на специализированных площадках – сайтах, блогах, форумах и сообществах в социальных сетях, аудиохостингах и др.,⁵ при этом наиболее открытой средой, очевидно демонстрирующей признаки интерперсональности (в связи с широким спектром размещаемой информации) является, бесспорно, блогосфера.

Российские блоги феминисткой направленности можно условно разделить на две группы: *собственно феминистские* и *профеминистские*.

Собственно феминистские сообщества обычно осваивают теоретико-идеологическую сторону движения и размещают контент, состоящий из прецедентных феминистских текстов (трудов известных представительниц

⁵ Иные дискурсивные практики включают в себя публичные акции, митинги, паблик-токи, перфомансы.

феминизма), а также резонансных публицистических статей и аналитики событий, тесно связанных с фем-повесткой. Обычно авторы таких блогов относят себя к определенному течению феминизма, чаще всего радикальному или либеральному. Важной особенностью таких блогов является вторичность размещаемой в них информации по отношению к западным ресурсам схожей направленности. Это обусловлено, в первую очередь, тем фактом, что большинство трудов по теории феминизма было написано зарубежными авторами, а в русскоязычном пространстве существуют только в переводном виде. Поскольку в России идеи феминизма получили широкое распространение относительно недавно, собственная теоретическая база данного движения, в первую очередь – его терминологический аппарат, практически не сформированы. Впрочем, фем-активисты активно работают над устранением этой проблемы, что происходит, как правило, путем коллективной дискуссии с выбором варианта, устраивающего большее количество участников сообщества.

В свою очередь, профеминистские блоги являются, по сути, личными блогами и освещают самый широкий круг вопросов в преломлении феминистской практики. Авторы таких ресурсов не всегда относят себя к тому или иному течению, более того, не являются фем-активистами в широком понимании (по этой причине мы называем подобные сообщества профеминистскими). Основной целью таких блогов является создание идеологического фона и развитие новых дискурсивных практик, позволяющих открыто говорить о вопросах феминизма. Так, типичный профеминистский блог представляет собой рефлексию личного опыта женской идентичности, тогда как читатели могут оставить свой комментарий о подобных переживаниях. Это способствует репрезентации образа женщины как субъекта социальной активности, что является первостепенной задачей подобных ресурсов. Если авторы собственно феминистских блогов придерживаются в основном коммуникативных стратегий, направленных на коррекцию мировоззрения читателей соответственно целям и задачам феминизма, профеминистский дискурс существует, скорее, для самоутверждения автора в рамках феминистской теории, что сближает его с практиками поп-феминизма.

Объединяющим фактором для всех феминистских сообществ является их тематическая направленность. Среди наиболее часто обсуждаемых тем можно выделить следующие:

- социальное благополучие (разрыв в оплате труда, «стеклянный потолок», неоплачиваемый домашний труд, женская бедность);
- безопасность (домашнее насилие, stalking и домогательства, насильственные культурные практики, виктимблейминг);
- гендерные стереотипы (бытовой сексизм, репродуктивное насилие, бодишейминг);
- вопросы идентичности (национальная и религиозная идентичность, сексуальная ориентация, небинарность, ментальное здоровье).

Все заявленные выше проблемы так или иначе влияют на индекс гендерного неравенства в России, что и определяет их значимость для фем-пространства. Кроме того, феминистские тексты отличает специфический набор лексических и фразеологических единиц, а также синтаксических и стилистических конструкций, обуславливающих интерперсональное развитие феминистских дискурсивных интеракций, подтверждением чему может служить блог «дочь разбойника»⁶, который мы относим к группе профеминистских.

Журналистка и активистка Настя Красильникова ведет блог «Дочь разбойника» на площадке мессенджера Telegram (число подписчиков – более 27000). Тематическую направленность блога можно определить как некое описание способов экспликации женской субъектности в современных медиа. Сама Н. Красильникова характеризует свой блог как «приключения женоненавистничества в российских медиа», хотя регулярно размещает посты и на иные темы, например, о домашнем насилии. Несмотря на то, что «дочь разбойника» достаточно узконаправленный ресурс, для него характерны все черты феминистских текстов, названные ранее.

Первое, что обращает на себя внимание, – приемы выражения авторской позиции (и, соответственно, воздействия на читателя), что достигается путем деполитизации феминизма через представление его не столько как общественно-политического движения, сколько в качестве стиля жизни, борьбы за индивидуальную свободу и способа самореализации. Такие высказывания отличаются экспрессивностью, формулируются как призыв к оппонентам и облекаются в форму риторических обращений или риторических вопросов:

– **«Я хочу быть человеком, которому не хаят плакаты в университете. Я хочу быть человеком, которому не предписывают по причине пола только два желания – найти мужика и родить детей. Я хочу жить в стране, в которой в университетах девушкам дают образование, а не слатшеймят и не пугают тем, что сигареты сделают их слишком «доступными». А прекрасной принцессой или своим парнем быть не хочу»;**

– **«А почему, простите, «успешным мужчинам» такие рейтинги самостоятельности не прикручивают? Давайте может их привилегии посчитаем и обозначим буквами? Может быть взгляды в каждого мужика из списка Forbes на предмет того, чей он друг? Брат? Сын?»;**

– **«Что мне в этом интересно? Когда всем наконец надоест. Алексею – писать одинаковые тексты, российским изданиям – соглашаться на то, чтобы на их страницах женщин сравнивали со стиральными машинами, рекламодателям – размещаться в таких медиа».**

В приведенных примерах эффект обусловлен также синтаксическим параллелизмом, сопровождаемым анафорой, антитезой и элементами градации: «наслоение» типизированных конструкций, особенно в форме вопросительных предложений, является мощным (хотя и довольно агрессивным) воздействующим приемом.

⁶ Здесь и далее сохранены авторская орфография и пунктуация.

Вообще эмоциональная окрашенность предложений чрезвычайно важна для феминистского дискурса: они служат как для выражения гнева и негодования, так и для маркирования интерперсональности текста – имитации диалога с читателями. Внешне это напоминает подражание сценарию митинга. Так, Н. Красильникова нередко использует «изменение текстового регистра», для имитации повышения голоса:

– *«Слышали? Перламутр сделает вас покорнее! А яичница у вас на прошлой неделе подгорела, потому что у вас перламутра не было!»;*

– *«Пристегните мозги! С помощью сексизма научились рекламировать рецептурные антидепрессанты (ААААА)»;*

– *«Хочется потрясти эту листовку и проорать «А ЗАЧЕМ ВАМ МУЖ, КОТОРЫЙ УХОДИТ, КОГДА ВЫ БОЛЕЕТЕ?»».*

Согласно феминистской теории, в обществе распространено пренебрежительное отношение к женщинам, поэтому для феминистских авторов так важно создать позитивный женский образ и тем самым, с одной стороны, повысить статус женщин в глазах адресата, с другой же – вызвать у самих женщин чувство, что они находятся в дружелюбной, безопасной среде, где их ценят и уважают. С этой целью феминистский дискурс использует определенные тактики языковой объективизации женской субъектности.

Самым распространенным методом такой репрезентации является употребление феминитивов – слов женского рода, альтернативных или парных аналогичным понятиям мужского рода [Челак, 2018, с. 197]. Их использование не только поднимает женщин в глазах общественности, но и включает их в общий дискурс наравне с мужчинами. Авторы феминистских текстов стремятся к полной симметрии в номинации женщин и мужчин, зачастую вовсе отказываясь от наименований мужского рода:

– *«Как должна выглядеть **пилотесса** «боинга»?»;*

– *«Вот канал *Save me, lobus frontalis* **психотерапевтки** Оли, которая работает в интегративном подходе и классно ведет блог»;*

– *«Может, в вас дремлет высокочлассная **специалистка по маркетингу?** Или **разработчица?**».*

Вместе с тем употребление феминитивов не является универсалией текстов Н. Красильниковой. В одном контексте можно встретить лексемы мужского⁷ рода, номинирующие женщин, наряду с лексемами женского рода, особенно когда речь идет о конкретных женщинах:

⁷ Важное замечание: некоторые исследователи полагают, что названия профессий и должностей следует квалифицировать как существительные общего рода [Эпштейн, URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/133860>], однако авторы академической грамматики русского языка относят к этой группе только существительные первого склонения [Русская грамматика, 1980, с. 465], несмотря на схожесть подобных номинаций (в ряде синтаксических конструкций) со словами общего рода [Краткая русская грамматика, URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5312&0a0=1712#148>]). Следует также отметить, что для феминистского дискурса использование слов женского рода (аналогов закрепленной номинации в мужском роде) является первоочередным способом репрезентации женской субъектности в публичном пространстве, так как в этом проявляется принципиальное противопоставление «мужской» норме [Челак, 2018, с. 199].

– «*Книга Юлии Лапиной, клинического психолога и популярной бодипозитив-активистки, пару месяцев назад перетряхнула мое сознание...*»;

– «*Соосновательница и директор Readymag Диана Касай запустила ютуб-шоу «Декрет О» о том, как женщины строят карьеру в условиях неравенства*».

Подобные примеры вообще довольно показательны для феминистских блогов, не относящих себя к радикальному течению: данный способ номинирования не выходит за привычные для среднестатистического читателя рамки и одновременно позволяет предоставить самим женщинам выбирать, какой вариант рода одушевленных существительных для них более приемлем.

В обращении к читательницам феминистские тексты выбирают стратегию кооперации, в рамках которой используются такие понятия, как *подруги, сестры, девы* и пр. (последние более характерны для радикального «крыла» фем-движения). Н. Красильникова выбирает более нейтральные номинации – *подруги* или просто *читательницы*:

– «*Пристегнитесь, дорогие читательницы...*»;

– «*Подруги, у меня нет для вас более яркой иллюстрации для подтверждения тезиса о том, что феминизм необходим каждой из нас*».

Яркой особенностью блога Н. Красильниковой является то, что в качестве своих главных оппонентов она указывает не мужчин или антифеминистов (что типично для большинства феминистских блогов), а специалистов, транслирующих сексизм в медиа-пространстве, – журналистов, редакторов, маркетологов. Поэтому в качестве обращения к ним она использует термин *коллеги*:

– «*И снова обложка федерального издания устами лысого актера учит женщин, где им стоять. Спасибо, коллеги!*»;

– «*Коллеги, вы вообще оглядывались по сторонам? Может, пора пересмотреть информацию о “кормильцах”?*».

В приведенных примерах ярко вычленяется тактика иронизирования⁸, которую авторы феминистских текстов частотно используют при обращении к своим оппонентам. Н. Красильникова прибегает к этому приему, чтобы подчеркнуть не только идеологические несоответствия, но и отрицательные качества оппонентов (некомпетентность, безответственность, неграмотность или инфантилизм) с целью их дискредитации:

⁸ Безусловно, создание иронического модуса высказывания детерминировано разнообразными языковыми средствами и приемами (неслучайно феномен иронии интересует лингвистику более 25 веков) [Bozhenkova N., Kalichkina T., 2020], в рамках же феминистских интеракций выделим сниженный стилистический регистр (вплоть до явных речевых нарушений, нередко отсылающих к известным мемам), гиперболизацию явления / ситуации, контекстную антитезу, дискурсивные и эмфатические единицы, сочетание которых в границах синтагмы приводит к формированию языковых конститuentов с высочайшим воздействующим потенциалом и оказывается своего рода «крючком» для комментариев читателей, привлечения новых подписчиков, а в результате – создания диалогичной среды коммуникативного взаимодействия.

– «Мы тут возмущаемся сексизмом в российских медиа, а корреспонденты некоторых **уважаемых** газет **до сих пор** позволяют себе расистские высказывания, **блеск**»;

– «Давайте на минутку прикроем глаза на **чудовищный** фэтшейминг и **обратимся к формальной логике**»;

– «Я не знаю, что нужно сказать или сделать, чтобы у редакций глянцевого журналов **отросла ответственность** за то, что они публикуют»;

– «Мы стали **более хуже изъясняться**, хотя казалось бы, **куда уж**»;

– «**Ой, что это тут у нас?** Социальная реклама в Петербурге!».

Отдельно отметим ряд других распространенных приемов феминистского дискурса, которые использует автор блога «дочь разбойника»:

- феминистская терминология

– «*В который раз обращаю внимание на то, что **мизогиния** в заметках СМИ никогда не ходит одна*»;

– «*Приравнивая женщин к мясу в своих рекламных коммуникациях, вы инвестируете в **культуру насилия**, от которой страдают и погибают женщины в вашей стране*»;

- гендерные метафоры

– «*Для начала – осознать социальные, культурологические и экономические факторы, которые лежат в основе того, что миллионы женщин **живут в рабстве у красоты и диет***»;

– «*Мысль о том, что бедный **мужчина расплавится**, если узнает, что у его жены выпадают волосы и течет молоко из груди, кажется мне глубоко оскорбительной для всех членов семьи...*»;

- тематические фразеологизмы

• – «*Все это происходит, разумеется, на фоне уже привычной мизогинии: например, нехитрая метафора о том, что женщины **выносят мозг** мужчинам встречается в тесте трижды*»;

– «***С тяжелым сердцем** вынуждена сообщить вам, что на просторах инстаграма существуют «**международные тренеры по бровям**»*»;

- сниженная просторечная лексика

– «*И вот, какой получается собирательный образ женщины, исходя из этой заметки: капризная, ограниченная, ожидающая **мужика**, тратящая деньги исключительно на **цацки**, заведующая подругам*»;

– «*Так себя рекламирует мужская парикмахерская в Мурманске. **Какая же дичь***».

Таким образом, проведенный анализ текстов блога Н. Красильниковой показывает, что лингвопрагматический инструментарий феминистского дискурса охватывает как широкий спектр коммуникативных тактик, так и множество орнаментальных языковых единиц, в совокупности обеспечивающих успешное решение задачи автора – выражение собственной ценностно-идеологической позиции и формирование аналогичной точки зрения у адресата.

Заключение

Изучение изменений структуры и содержания современного коммуникативного поля, обусловленных технологическими, геополитическими и цивилизационными факторами, сегодня невозможно осуществлять в отрыве от изучения актуального функционирования русского языка, создаваемого новыми дискурсивными практиками.

В многообразном корпусе новых социолингвокультурных интеракций *феминистский дискурс*, транслирующийся в сетевой среде, становится значительной частью контента и тем самым напрямую влияет как на языковую вариативность, так и на аксиологические позиции пользователей Интернета. Фиксируя накопленный социумом лингвоментальный материал и в дальнейшем развивая его «под определенным углом», феминистские дискурсивные практики демонстрируют максимальную степень интерперсональности, поскольку сущностно нацелены на реализацию не столько информационной, сколько *воздействующей* функции – вызвать у реципиента желаемый эмоциональный отклик и добиться потребности поделиться впечатлениями.

В этой связи можно утверждать, что феминистские тексты, представленные в современном интернет-пространстве, влияют на формирование идеологической идентичности не только автора, но и адресата, что свидетельствует о значимом исследовательском потенциале данного подвида медиадискурса. Несмотря на то, что большая часть фем-текстов является не «прямым отражением» женской субъектности, а, скорее, критической рефлексией относительно медийного образа женщины, умелое авторское «конструирование» дискурсивных практик с фем-повесткой, совокупность языковых средств (от собственно феминитивов, разнообразных орнаментальных и тропических конструкций до специфических дискурсивных элементов) и лингвопрагматический инструментарий фем-дискурса, определяющие его «диалогический посыл», обеспечивают эффективное воздействие на коммуникантов, обуславливают «заданное» видение мира современного человека, вызывают рост интереса общества к движению феминизма и, как результат, способствуют расширению круга сторонников фем-идеи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Боженкова, Н. А. Идиоэкспликация возможной текстовой культуры как маркер современного российского политического дискурса / Н. А. Боженкова // Текст культуры и культура текста: Материалы IV Международного педагогического форума. – Санкт-Петербург: РОПРЯЛ, 2017. – С. 131–136.

Боженкова, Н. А. Механизмы рождения и накопления новых лингвокультурных смыслов в процессе трансляции текста / Н. А. Боженкова // Мир русского слова. – 2018. – № 1. – С. 53–58.

Винник, Н. В. Женское движение и Рунет: найти друг друга / Н. В. Винник // Женское движение в России: вчера, сегодня, завтра: [Мат-лы конференции. Москва, 26 февраля 2010 г.] / отв. ред. Г. М. Михалева. – Москва: РОДП «ЯБЛОКО»; «КМК», 2010. – С. 94–95.

Здравомыслова, Е. А. 12 лекций по гендерной социологии: учебное пособие / Е. А. Здравомыслова, А. А. Темкина // Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2015. – С. 387–392.

Зеленовская, А. В. Понятия «компьютерный дискурс», «интернет-дискурс», «виртуальный дискурс» / А. В. Зеленовская // Язык и культура. – 2014. – № 12. – С. 17–21.

Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – Москва, 1999. – С. 28–34.

Кирилина, А. В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике / А. В. Кирилина // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 138–143.

Кожемякин, Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. – № 2(73). – Вып. 11, 2010. – С. 13–21.

Краткая русская грамматика / Белоусов В. Н., Ковтунова И. И., Кручинина И. Н. и др.; Под ред. Шведовой Н. Ю. и Лопатина В. В. – URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5312&0a0=1712#148>. (22.08.2021).

Кронгауз, М. Словарь языка интернета.ru / М. Кронгауз, Е. А. Литвин, В. Н. Мерзлякова. – Москва: АСТ-Пресс книга, 2016. – 288 с.

Негушина, А. А. Гендерная цензура как элемент русской языковой культуры / А. А. Негушина // Язык и культура: взгляд молодых: материалы I Международной научной конференции студентов и школьников «Язык и культура: взгляд молодых» в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 23–25 мая 2018 года: сборник статей / гл. ред. М. Н. Русецкая. – Москва: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 239–241.

Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова (гл. ред.) – Москва: Наука, 1980. – 465 с.

Солнцева, Е. С. К вопросу о свойствах медиадискурса / Е. С. Солнцева // Известия ВГПУ. – 2019. – № 8 (141). – С. 147–153.

Троицкая, О. Г. Гендерные особенности коммуникации / О. Г. Троицкая // Проблемы межкультурной коммуникации. – Иваново: ИГХТУ, 2000. – С. 374–380.

Челак, Е. А. Феминитивы в дискурсе интернет-коммуникации / Е. А. Челак // Международный научно-исследовательский журнал. – 2018. – № 12 (78). – Ч. 2. – С. 197–200.

Шурухова, З. С. Языковая специфика Интернет-коммуникации / З. С. Шурухова // Сборник статей: Инновационные процессы в научной среде. – 2016. – С. 228–231.

Эпштейн, М. Н. Феминитивы – или слова общего рода? Нужны ли языку слова «авторка» и «философия»? – М. Н. Эпштейн. – URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/133860>. (22.08.2021).

Bozhenkova, N. “Polycode” irony as a sign of modern mediapolitical discourse / N. Bozhenkova, T. Kalichkina // SHS Web of Conferences 88, 01024 (2020) LLT Forum 2020. – URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20208801024>. (22.08.2021).

REFERENCES

Bozhenkova, N.A. Idioeksplikaciya vozmozhnoj tekstovoj kul'tury kak marker sovremennogo rossijskogo politicheskogo diskursa / N.A. Bozhenkova // Tekst kul'tury i kul'tura teksta: Materialy IV Mezhdunarodnogo pedagogicheskogo foruma. – Sankt-Peterburg: ROPRYAL, 2017. – S.131–136.

Bozhenkova, N.A. Mekhanizmy rozhdeniya i nakopleniya novyh lingvokul'turnyh smyslov v processe translyacii teksta / N.A. Bozhenkova // Mir russkogo slova. – 2018. – № 1. – S. 53–58.

Bozhenkova, N. “Polycode” irony as a sign of modern mediapolitical discourse / N. Bozhenkova, T. Kalichkina // SHS Web of Conferences 88, 01024 (2020) LLT Forum 2020. – URL: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20208801024>. (22.08.2021).

Chelak, E.A. Feminitivy v diskurse internet-kommunikacii / E.A. Chelak // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. – 2018. – № 12 (78). – CH. 2. – S. 197–200.

Epshtejn, M.N. Feminitivy – ili slova obshchego roda? Nuzhny li yazyku slova “avtoroka” i “filosofinya”? – URL: <https://snob.ru/profile/27356/blog/133860>. (22.08.2021).

Kirilina, A.V. Gender: lingvisticheskie aspekty / A.V. Kirilina. – Moskva, 1999. – S. 28–34.

Kirilina, A.V. Gendernye issledovaniya v zarubezhnoj i rossijskoj lingvistike / A.V. Kirilina // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 2000. – № 4. – S. 138–143.

Kozhemyakin, E.A. Massovaya kommunikaciya i mediadiskurs: k metodologii issledovaniya / E.A. Kozhemyakin // Nauch. vedomosti Belgor. gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. – № 2(73). – 2000. – Vyp. 11. – S. 13–21.

Kratkaya russkaya grammatika / Belousov V.N., Kovtunova I.I., Kruchinina I.N. i dr.; Pod red. SHvedovoj N.YU. i Lopatina V.V. – URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5312&0a0=1712#148/> (22.08.2021).

Krongauz, M. Slovar' yazyka interneta.ru / M. Krongauz, E.A. Litvin, V.N. Merzlyakova. – Moskva: AST-Press kniga, 2016. – 288 s.

Negushina, A.A. Gendernaya cenzura kak element russkoj yazykovoj kul'tury / A.A. Negushina // YAzyk i kul'tura: vzglyad molodyh: materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii studentov i shkol'nikov «YAzyk i kul'tura: vzglyad molodyh» v ramkah Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskogo festivalya slavyanskikh yazykov i kul'tur, 23–25 maya 2018 goda: sbornik statej / gl. red. M.N. Ruseckaya. – Moskva: Gos. IRYA im. A.S. Pushkina, 2018. – S. 239–241.

Russkaya grammatika. T.1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonaciya. Slovoobrazovanie. Morfologiya / N.YU. SHvedova (gl. red.) – Moskva: Nauka, 1980. – 465 s.

Solnceva, E. S. K voprosu o svojstvah mediadiskursa / E. S. Solnceva // Izvestiya VGPU. – 2019. – № 8 (141). – S.147–153.

Troickaya, O. G. Gendernye osobennosti kommunikacii / O. G. Troickaya // Problemy mezkul'turnoj kommunikacii. – Ivanovo: IGHTU, 2000. – S. 374–380.

Shuruhova, Z. S. YAzykovaya specifika Internet-kommunikacii / Z.S. SHuruhova // Sbornik statej: Innovacionnye processy v nauchnoj srede. – 2016. – S. 228–231.

Vinnik, N. V. ZHenskoe dvizhenie i Runet: najti drug druga / N. V. Vinnik // Zhenskoe dvizhenie v Rossii: vchera, segodnya, zavtra: [Mat-ly konferencii. Moskva, 26 fevralya 2010 g.] / otv. red. G. M. Mihaleva. – Moskva: RODP «YABLOKO»; «KMK», 2010. – S. 94–95.

Zdravomyslova, E. A. 12 lekcij po gendernoj sociologii: uchebnoe posobie / E. A. Zdravomyslova, A. A. Temkina // Evropejskij universitet v Sankt-Peterburge, 2015. – S. 387–392.

Zelenovskaya, A. V. Ponyatiya «komp'yuternyj diskurs», «internet-diskurs», «virtual'nyj diskurs» / A. V. Zelenovskaya // Yazyk i kul'tura. – 2014. – № 12. – S. 17–21.